

УДК 330.82
JEL B12

В. И. Клисторин

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия*

*Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН
пр. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия*

klistorin@mail.ru

КЛАССИЧЕСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Обсуждается научная программа и парадигма классической политической экономии. Показано, что в научной и учебной литературе существуют различные трактовки периодизации и формулировки отличительных черт и принципов, лежащих в основе классической политической экономии. Рассмотрены критерии отнесения отдельных исследований к различным экономическим теориям. Показаны принципиальные отличия классической политической экономии и неоклассики. Разделительным барьером является отказ неоклассики от понятия объективных экономических законов и принятие критерия минимизации числа исходных гипотез при конструировании экономической теории.

Выявлены элементы преемственности парадигмы классической политической экономии и некоторых направлений институционализма. Главные отличия методологии институционализма и классической политической экономии заключаются в том, что институционализм опирается на позитивизм, в то время как политэкономии свойственна нормативная модель экономики. Но во взглядах на классовую природу общества, разделение явления и сущности и взаимосвязи экономического и социального, наблюдается высокая степень преемственности.

Ключевые слова: научная программа, парадигма, классическая политическая экономия, неоклассика, позитивизм, институционализм, историческая школа.

Постановка проблемы

Классическая политическая экономия (далее – КПЭ) давно уже стала достоянием истории, а ее представители заняли почетное место в пантеоне экономической мысли. Вместе с тем интерес к работам классиков не ослабевает, их произведения постоянно переиздаются, а среди читателей встречаются не только специалисты по истории экономической мысли и (что реже) студенты и аспиранты, но и профессиональные экономисты, работающие в различных областях современной науки. Это «обращение к истокам» далеко не случайно и иногда не безобидно, поскольку наряду с новым прочтением канонических текстов часто встречается и «воскрешение» ошибок и заблуждений разных авторов, попытки применения идей, выработанных в прошлом, к совершенно другой социально-экономической реальности, что может послужить источником новых ошибок и заблуждений¹. Поэтому задача выделения устаревшего и актуального в классической политической экономии представляется нетривиальной.

---

¹ Ссылки на работы предшественников полезны при формулировке проблемы, постановке задачи и т. п., но ссылки на достижения гениев прошлого обычно следует рассматривать лишь как форму риторики, обладающие минимальной доказательной силой.

Во всех курсах истории экономической науки обязательно присутствует раздел, посвященный КПЭ. Удивительно, но ведущие исследователи и авторы авторитетных учебников расходятся даже в датировках периода «господства» КПЭ, когда эта система представляла *main stream* тогдашней экономической науки. Некоторые, следуя К. Марксу, определяют возникновение этого течения мысли началом XVIII в. (работы У. Петти и П. Буагильбера), а завершение датируют первой половиной XIX в. (Д. Рикардо и С. Сисмонди). Другие считают периодом господства политической экономии время с конца XVIII в. по 70-е гг. XIX в. (от физиократов и А. Смита до Дж. С. Милля). Как известно, Дж. М. Кейнс к классикам относил всех последующих экономистов, включая А. Маршалла и А. Пигу, т. е. продлевал период жизни этого направления в науке до первой трети XX в. [1. С. 43], когда основным течением экономической мысли становится маржинализм. Но и в последующие десятилетия достаточно большое количество исследователей работало в парадигме классической политической экономии и / или пыталось соединить ее ключевые идеи с неоклассической парадигмой. В качестве примера можно сослаться на работы М. И. Туган-Барановского, П. Сраффа или известный учебник А. Пезенти «Очерки политической экономии капитализма» [2].

Особый вопрос о взаимоотношении КПЭ и марксизма: является ли марксизм особым направлением, укладывающимся в основные идеи КПЭ (левым рикардизмом) или имеет собственную научную программу и парадигму и, следовательно, является самостоятельной экономической теорией? Но ответ на этот вопрос требует отдельной работы.

Таким образом, имеется несколько вопросов, не теряющих свою актуальность:

- является ли классическая политическая экономия действительно отдельной экономической теорией или просто особым этапом в развитии экономической мысли, и единственное, что объединяет работы классиков, только временной период;
- если КПЭ действительно единая экономическая теория, то что именно ее объединяет, т. е. каковы ее научная программа и парадигма;
- какова действительная судьба классической политической экономии, т. е. какие ее элементы сохранились в современных экономических теориях и в каких именно, а какие отвергнуты и почему?

Сразу следует отметить, что классическая политическая экономия не объединяет всех или даже большинство ученых, работавших в конце XVIII и на протяжении большей части XIX в. Помимо трудностей с датировкой самого временного периода классической политической экономии, во время которого экономические взгляды различных авторов значительно менялись, следует признать, что в этот же период существовали и альтернативные экономические учения, а именно историческая школа и различные варианты социалистической доктрины [3]. Для ответа на другие вопросы следует реконструировать научную программу и парадигму обсуждаемой теории.

Научная программа и парадигма классической политической экономии

Понятие научной программы, введенное И. Лакотшем, позволяет разделить теории, особенно в области общественных дисциплин, и дает наглядный критерий такого разделения. Наиболее авторитетные авторы, признанные классиками политической экономии, жестко критиковали друг друга. Так, Д. Рикардо полемизировал не только с современником Т. Мальтусом, но и существенно расходился с А. Смитом в понимании целей и методов и основных идей экономической науки. Оба Милля, отец и сын, утверждавшие себя последовательными рикардизмами, существенно ревизовали систему своего «учителя». Таких примеров можно привести множество.

Но все без исключения представители классической политической экономии верили в существование неизменных (универсальных, естественных или объективных) законов развития общества, законов, регулирующих экономические отношения между основными классами общества, а именно законами производства, распределения, обмена и потребления. Как следствие, их научная программа состояла в открытии этих объективных законов и разработке принципов экономической политики, адекватной этим законам, подобно тому, как люди не могут отменить закон всемирного тяготения, но могут использовать его знание при артил-

лерийской стрельбе. Такая вера в существование объективных законов не могла не сформироваться на фоне успехов естественных наук, в частности астрономии, физики и химии. В физическом мире повторяющиеся процессы имеют не только причинно-следственные связи и не зависят от воли людей, но могут быть объяснены фундаментальными причинами в рамках достаточно простых моделей, исключая вмешательство высшего разума или случайности. Естественно предположить, что в мире людей возможно что-то подобное, учитывая, что в этом мире также наблюдаются устойчивые процессы, и хотя люди обладают сознанием и свободой воли, но, по выражению Ст. Е. Леца, «жизнь заставляет многое делать добровольно». По-видимому, убежденность в том, что при всем разнообразии выбора продавцы не могут назначать любые цены, приводит к выводу о существовании естественных цен. Равно как существуют естественный уровень заработной платы, процента, ренты и прибыли. Фактические значения могут отличаться от естественного уровня, но только в незначительной степени и в краткосрочной перспективе.

Согласно Т. Куну базовые постулаты теории представляет собой жесткое ядро всякой научной теории, а их изменение означает переход к новой теории. Попыток выделения базовых постулатов КПЭ предпринималось не так уж много. Гораздо больше внимания историки экономической науки уделяли характеристике исторической эпохи, выяснению элементов преемственности и нововведениям в экономических произведениях отдельных авторов и их взаимной критике. Анализ сравнительно немногочисленных попыток выделения основных идей КПЭ приводит к весьма скромным результатам. Так, во «Всемирной истории экономической мысли» [4] содержится лишь попытка периодизации развития КПЭ. Разделение ее на периоды научного анализа и вульгаризации КПЭ восходит к К. Марксу и базируется на критерии «верности» различных авторов трудовой теории стоимости (ценности). Такое разделение сомнительно, поскольку у А. Смита есть множество определений и трактовок понятий труда² и производительного труда и, по сути, нет целостной теории стоимости вообще [5. С. 35]. Таким образом, в данной трактовке к научной версии КПЭ, строго говоря, следует отнести только Д. Рикардо и некоторых его последователей, да и то с некоторыми оговорками.

В популярном учебнике Я. С. Ягдарова [6] также приводится периодизация КПЭ, лишь незначительно отличающаяся от приведенной в упомянутой «Всемирной истории». Л. В. Горяинова в своем учебнике помимо выделения четырех этапов развития КПЭ сделала попытку описать ее ключевые признаки [7. С. 13]. Но при этом она смешивает основополагающие гипотезы, методические приемы и некоторые наиболее типичные результаты теории. В «Истории экономических учений» под редакцией В. С. Автономова выделяются некоторые характерные особенности КПЭ:

- объединение теории обмена (рынка) с теорией производства;
- непротиворечивость частного и общественного богатства и полезности, что является основой идеологии и политики либерализма;
- рост производительной силы труда есть следствие его специализации. Расширение и углубление рынков обеспечивает рост богатства;
- богатство тождественно росту количества и доступности товаров, а ценность товаров определяется издержками факторов;
- живой и овеществленный в капитале труд определяют ценность и цену товаров, а вклад других факторов и условий невелик (93-процентная трудовая теория стоимости [1. С. 69]).

Примерно об этом же пишут В. М. Белоусов и Т. В. Ершова [8. С. 52]. Отличия наблюдаются только в том, что указанные авторы дополнительно говорят о системном взгляде на экономику, объективном и неподвзятом взгляде классиков при исследовании закономерностей и перспектив рыночной экономики, разделении формы и сущности экономических явлений.

---

² А. Смит неоднократно изменял понятие труда. В «Богатстве народов» труд трактуется то как физический труд работника, то как опыт и навык ремесленника, то как деятельность мануфактуриста и торговца. Но далее Смит сравнивает искусства и свободные профессии с другими видами труда и приходит к выводу, что представителей этих видов деятельности также следует рассматривать как работников, а их услуги – как труд.

Г. Делепляс также пишет о естественном порядке, «laissez-faire», но отмечает при этом стремление А. Смита создать синтетическую науку, объединяющую, кроме собственно экономики, психологию, историю, науку о государстве и даже историю экономической мысли³. Кроме того, он считал, что экономика А. Смита – это рыночная экономика, а общество для него – не что иное, как торговый союз. И отсюда следуют три основных принципа учения А. Смита:

- теория общества идентифицируется с теорией рыночной экономики. Следовательно, политическая экономия не только автономна по отношению к философии, но и альтернативна ей, как позитивная теория альтернативна нормативной;
- истинная причина богатства общества не производство (это лишь непосредственная причина), а обмен и распространение рынков во всех областях, где это возможно, что и является достаточным условием для роста богатства. Это основа экономического либерализма;
- теория рыночной экономики в своих существенных аспектах может абстрагироваться от денег. Деньги являются лишь посредниками в рыночном обмене, и их использование не влияет на принципы, регулирующие меновую стоимость товара и результаты распределения богатства [9. С. 40–41].

Поскольку парадигма должна включать лишь основные исходные гипотезы, разделяемые всеми без исключения сторонниками определенной теории, следует заключить, что в целом позиции перечисленных авторов непротиворечивы. Например, исследование законов производства и распределения для классиков даже более важно, чем вопросов обмена. Кроме производства и обмена всех классиков, особенно Д. Рикардо и многих его последователей, волновала проблема распределения. Именно с изменением относительных цен Д. Рикардо связывал изменения в структуре доходов и, следовательно, в распределении богатства. С другой стороны, Дж. Ст. Милль не без основания полагал, что распределение – чисто дело человеческого учреждения.

Различные авторы, обсуждающие проблемы КПЭ, прекрасно знакомы с высказыванием А. Смита о том, что для того, чтобы поднять нацию с низших ступеней варварства до вершин цивилизации, достаточно выполнения трех условий, а именно необходимы мир, низкие налоги и умеренные законы. Все остальное сделает невидимая рука рынка. В этом высказывании обычно делают акцент на «невидимой руке» вместо того, чтобы обратить внимание на институциональные условия и последовательность экономической политики. Примитивное понимание либеральной доктрины А. Смита, Д. Рикардо и Дж. Ст. Милля привело в дальнейшем к неверной трактовке их взглядов и теории в целом.

Исходя из изложенного можно сформулировать парадигму КПЭ. Прежде всего, это существование неизменных естественных законов развития обществ, в которых обмены и рынок приняли устойчивые формы и охраняются формальными и неформальными институтами. Во-вторых, богатство общества определяется объемом производства товаров, т. е. материальных благ, поступающих на рынок. Это богатство зависит от объема и производительной силы труда. При этом сам труд обязательно включен в систему социально-экономического взаимодействия и не может рассматриваться изолированно.

В КПЭ человек предстает всегда в двух ипостасях – как индивидуум и как представитель своего класса. Как индивидуум он суверенен в выборе товаров и стремлении к богатству, но его доходы тесно связаны с классовой принадлежностью и зависят от законов распределения. Вспомним, что у А. Смита стоимость и цена товаров равны сумме доходов классов общества, и убедимся, что действительно производство, распределение, обмен и потребление сведены в одну систему.

Несколько слов о методах исследования в КПЭ. Основным считается абстрактно-логический метод: авторы стремились создать логически непротиворечивую систему, в которую укладывались примеры из истории или мысленные эксперименты. Из исходных гипотез формулировались выводы, которые подкреплялись подобными примерами. Обобщение эмпирического опыта не считалось основой теории (в отличие от исторической школы), а ско-

³ Отметим, что такая точка зрения удивительно близка позиции Г. Беккера, определившего экономику как универсальную науку о человеческом поведении и много сделавшего для утверждения «экономического империализма», т. е. распространения экономических подходов и моделей на новые области.

рее иллюстрацией, поясняющей основные выводы и облегчающей понимание действия законов. Таким образом, критерием истинности теории считалась логическая непротиворечивость теории, а вспомогательным критерием – ее объясняющая сила. Вера в естественные законы (законы-тенденции) приводила и к использованию средних величин при обсуждении категорий и параметров, их характеризующих. Убежденность в материальной природе экономических категорий заставляла исследователей обсуждать наблюдаемые и ненаблюдаемые величины (проявления и сущности). Тем самым резко сужалась возможность эмпирической проверки обсуждаемых гипотез и выводов.

Наследие классической политической экономии

Научная программа и парадигма КПЭ становятся более понятными, если сравнить их с преемниками: маржинализмом и построенной на его основе «старой» неоклассикой. Научная программа маржинализма может быть сформулирована как выявление и описание принципов принятия решений в условиях ограниченности ресурсов. А. Маршалл рассматривал экономику как науку, изучающую человеческую деятельность, связанную с «созданием и использованием материальных основ благосостояния». Л. Робинс в своей статье «Предмет экономической науки», опубликованной в 1935 г., определил экономическую науку как «науку о поведении человека с точки зрения соотношения целей и ограниченных средств, которые могут иметь различное употребление».

Несмотря на различия в формулировках, все авторы понимали предмет экономической науки в изучении процессов принятия решений в условиях действующих ограничений и исходя из максимизации некой более или менее устойчивой целевой функции. Это означало окончательный переход к методологическому индивидуализму и отказу от двойственности индивидуума – как лица, принимающего самостоятельные решения, и как представителя своего класса, чьи формы и размеры дохода, собственность и ресурсы определены классовым или сословным положением.

В конце XIX в. два направления маржинализма разошлись. Австрийская школа развивала гуманитарное направление экономической науки, рассматривая ее как объясняющее и понимающее учение, в то время как неоклассика в духе А. Маршалла и Л. Вальраса постепенно трансформировалась в инженерную науку, позволяющую количественно оценить последствия принимаемых решений.

Экономисты, работавшие в конце XIX – начале XX в., отказались от идеи естественных законов, за исключением закона убывающей предельной полезности, определяемого психологией, и закона убывающей предельной производительности, объясняемого свойствами используемой технологии. Такой подход одновременно означал и отказ от исследования ненаблюдаемых категорий, т. е. тех факторов и условий, которые не могут получить количественной оценки. Понятия естественных и справедливых цен на товары, услуги и факторы производства ушли в прошлое. Были уравнены в правах товары, бывшие материальными субстанциями стоимости (ценности), и услуги, не имеющие материальной формы, поскольку их производство и потребление совпадают во времени.

Вообще из понятий стоимости и ценности были изгнаны все намеки на материальную природу. В такой интерпретации ценность – это то, что мы хотим получить от того или иного блага, а стоимость – то, чем мы готовы пожертвовать ради этого. В рациональном мире эти величины должны совпадать как на индивидуальном, так и на общественном уровнях.

Окончательно «похоронил» КПЭ позитивизм в экономической науке. Вместо открытия объективных внеисторических всеобщих законов экономисты перешли к выявлению и объяснению закономерностей и факторному анализу конкретных ситуаций. Более или менее последовательный отказ от нормативной модели (вне зависимости от ее содержания) означает отказ от исследования того, что должно быть в пользу изучения того, что есть на самом деле. Такой подход вроде бы снимал проблему, связанную с оговоркой «при прочих равных условиях», и ставил экономику в один ряд с точными науками, поскольку допускал проверку утверждений и открыто говорил об оценке точности выводов. С другой стороны, позитивизм резко снижал роль теории в исследованиях, чуть ли не единственным предназначением кото-

рой стало участие в выработке эмпирически проверяемых гипотез. Такая логика в конечном счете ведет к эмпиризму и инструментализму в экономической науке.

То, что сохранилось в неоклассике, – это незыблемость идеи рациональности человека. Более того, эта идея была доведена до логического завершения, что и стало главным объектом критики со стороны альтернативных школ институционального направления.

Таким образом, предшественники современной экономической науки достаточно решительно порвали с большинством принципов КПЭ. Возникает вопрос, в каких школах и направлениях искать последователей и приемников традиций КПЭ. Ответ прост – это прежде всего современный марксизм и радикальная политическая экономия. Кроме того, отдельные постулаты КПЭ заметны в том направлении институционализма, который часто называют «старым» или технократическим.

Генезис идей институционализма и КПЭ

Идея о том, что человек является не столько биологическим или экономическим, сколько социальным существом, восходит, видимо, еще к античным авторам. Для Аристотеля было очевидно единство этики, политики и экономики как основы человеческого поведения в понимании того времени. В «Богатстве народов» А. Смита при желании и некотором воображении можно найти истоки идей, лежащих в основе всех существующих экономических теорий. Но наиболее близки к парадигме институционализма идеи Т. Мальтуса. Его роль в качестве предтечи кейнсианства признавалась самим Дж. М. Кейнсом, но понимание роли идей Т. Мальтуса в становлении и развитии институционализма была осознана сравнительно недавно. В отличие от современников Мальтус не переоценивал роли сбережений и накопления капитала как фактора экономической динамики. Он придавал решающее значение моральным установкам, т. е. отношению людей к трудовым усилиям, материальным благам, уважению права собственности, прочности института брака и т. д. Наличие частной собственности, семьи и образования способствует развитию планирования человеческой деятельности, включая деторождение, рационализации экономического поведения. Поскольку люди привыкают предвидеть отдаленные последствия своих поступков, они аналогично оценивают и действия других, а это способствует распространению духа рациональности, предвидения и осторожности в обществе в целом. Без этого люди безответственно относятся к труду и деторождению, что тормозит производство товаров в абсолютном выражении и особенно на душу населения. Предложение предметов необходимости всегда остается ниже уровня, определяемого технологией и наличными земельными ресурсами, т. е. потенциального уровня, достижимого в благоприятных институциональных условиях. Эти идеи, близкие к постулатам исторической школы, тем не менее, не совпадают с парадигмой последней, поскольку в исторической школе институты самовоспроизводятся в экономике, соответствующей национальному духу, а у Мальтуса эволюционируют в зависимости от распространения образования и достатка в обществе. Другими словами, переход к институциональной логике обусловлен не априорными соображениями и эмпирическими наблюдениями, а соображениями, вытекающими из самой теории.

Основатель институционального направления Т. Веблен отвергал как КПЭ, так и неоклассику, поскольку ставил своей целью не столько объяснение, сколько упорядочивание действительности. Вместо концепции экономического человека и методологического индивидуализма он рассматривал человека как общественное существо, мотивы решений которого редко осознаются им самим и могут быть определены как инстинкты, привычки и склонности. Институты Т. Веблена – это не общественные структуры, санкционированные законодательством или обычаями, как это рассматривается в КПЭ и исторической школе, а скорее психологическая реакция на изменения экономических и социальных условий. Поэтому институты Т. Веблена гораздо более изменчивы и пластичны, чем это утверждается в альтернативных теориях, и быстро эволюционируют под воздействием технологического прогресса. При этом одни институты вытесняются другими. Он не разделял убеждения мальтузианцев и социальных дарвинистов относительно того, что «естественный отбор» ведет к выживанию и успеху лучших и сильнейших людей, но «естественный отбор» действует в конкуренции институтов, когда выживают наиболее эффективные. Мальтузианство Т. Веблена выража-

лось и в том, что он говорил о процессе отбора и приспособления к дисциплине наемного труда и других видов деятельности. В отличие от представителей КПЭ, включая и Т. Мальтуса, Т. Веблен всю жизнь боролся с идеей «объективных» экономических законов и вытекающей из нее телеологии.

Несомненно, творчество Т. Мальтуса оказало большое влияние на теорию Г. Мюрдаля. Более того, во многих аспектах она ближе к Мальтусу, нежели к Веблену. Во-первых, Г. Мюрдалю несвойственен генетический подход Веблена с его линейной казуальностью. Скорее он придерживается мальтузианской схемы круговой причинности, накапливающей изменения, что и приводит к феноменам развития или деградации. Такая круговая схема присутствует в его «Азиатской драме», когда после деколонизации происходит восстановление многих архаичных институтов в новой форме. Другой пример восприятия идей Т. Мальтуса – это скептическое отношение к определяющей роли доступности капитала в экономическом развитии, о чем говорилось выше. Наконец, ему явно импонирует идея Т. Мальтуса о том, что экономическое и демографическое поведение тесно связаны между собой. Опасения, что быстрый рост населения может создать ловушку бедности и препятствовать экономическому росту, вполне присутствуют у Г. Мюрдаля. Более того, созвучны и «рецепты» этих двух авторов: укрепление формальных и неформальных институтов, ограничение роста численности населения путем распространения образования и достатка. Трактровка социальных институтов у Г. Мюрдаля, несомненно, ближе к мальтузианской, нежели вебленовской, поскольку он вернулся к пониманию институтов как явлений и процессов, относящихся к общественной практике и санкционированных законом.

Отличие же между Г. Мюрдалем и Т. Мальтусом сводится к тому, что у последнего человек все-таки рациональное существо, как и для всех представителей КПЭ, а для Мюрдаля чрезвычайно важны нерациональные мотивы в человеческом поведении, идейную основу которых можно найти в произведениях М. Вебера и К. Мангейма.

Полезно рассмотреть соотношение идей КПЭ и новой исторической школы. Разумеется, М. Вебер не верит в телеологию, как и большинство историков и институционалистов. Он также не разделяет классического постулата о регулирующей и нормализующей роли рынка по отношению к обществу. В отличие от марксизма, с его тезисом об определяющей роли базиса по отношению к надстройке, М. Вебер отмечал не меньшее влияние последней на развитие материальных производительных сил. Он полемизировал с Т. Вебленом в том, что прогресс науки и техники явился основой развития современного капиталистического общества на Западе. В этом отношении он гораздо ближе к Дж. Ст. Миллю. С его точки зрения свойства человека, которые делают его капиталистом (алчность, жажда денег, беззастенчивость и изобретательность в отношении других и т. д.), являются вечными. В этом смысле капитализм был всегда. Но в отличие от А. Смита с его внеисторическим подходом М. Вебер говорит не о неизменности экономических законов и трактовке исторических процессов в терминах товарно-денежных отношений, а скорее о случайности и уникальности современного капитализма, характерного для Западной Европы и США. Он связывал развитие европейского варианта капитализма с формированием совершенно особого психологического склада у определенной категории людей в определенное время и в определенных условиях.

Последний крупный представитель «старого» институционализма Дж. К. Гелбрейт также отказался от классической и неоклассической концепции экономического человека. Человек, по его мнению, принимает решения исходя не из соизмерения альтернативных наборов благ, он стал существом манипулируемым, чему способствуют реклама, пропаганда и навязанные предрассудки. В этих условиях более адекватной является концепция человека как члена организации, подчиненного групповой этике, разделяющего ценности и цели своей организации. Индивидуализм и своекорыстие уже не играют прежней роли в общественном саморегулировании, поскольку снижается роль свободного рынка и сужается сфера его действия. Это является следствием повышения роли в экономике крупных корпораций, развития внутрифирменного планирования и партнерских отношений, а также расширения роли государства в экономике. Корпоративный сектор во взаимодействии с государством, по его мнению, демонстрирует большую эффективность в использовании ресурсов в сравнении с рыночным, что, как он считал, пока не осознано общественностью и наукой. Это не случайный процесс, а результат глубоких технологических изменений. В отличие от КПЭ, в частности концепции

А. Смита, Д. Рикардо и Т. Мальтуса о желательности повышения доли труда, направленного на производство товаров для рынка и повышения его производительности для удовлетворения собственных нужд, Дж. Гелбрейт считал, что люди служат средством достижения целей планирующей системы – корпораций и государства. В этом смысле полная занятость перестает быть целью новой индустриальной системы и даже общественной целью. Старые институционалисты и Дж. Гелбрейт полагали, что распределение не является игрой с нулевой суммой, т. е. возможна такая система распределения доходов и общественного богатства, от которой выиграют все или большинство. Есть мнение, что многие работы представителей этого направления исследований направлены не столько на исследование и объяснение социально-экономических процессов, сколько на изменение системы приоритетов и ценностей в обществе, т. е. представляют собой не столько научное исследование, сколько проповедь.

Нет необходимости подробно доказывать, что старый институционализм, несмотря на все различия между разными авторами, подчеркнутым эмпиризмом, объективизмом и критицизмом по отношению к существующему порядку, опирается на нормативную теорию⁴.

Под неонституционализмом понимается множество вариантов теории и, возможно, теорий, различающихся не только объектом, но иногда и предметом исследований. Сюда относятся: новая политическая экономия, экономическая теория прав собственности, новая теория организации отраслевых рынков, новая экономическая история, экономическая теория транзакционных издержек, экономическая социология, конституционная экономическая теория, экономическая теория контрактов, право и экономическая теория. Они не являются тождественными. Вместе с тем все или большинство исследователей исходят из таких основополагающих принципов, как:

- методологический индивидуализм;
- максимизация полезности;
- ограниченная рациональность экономических агентов и
- их оппортунистическое поведение.

Таким образом, эти исследователи, в большей или меньшей степени, отходят от старого институционализма, а вместе с ним и от КПЭ и постепенно сближаются с точки зрения методологии с основными современными теориями в рамках экономического позитивизма: неоклассики и посткейнсианства.

Классическая политическая экономия продолжает «жить» в современных версиях марксизма и радикальной политической экономии. Но разбору научной программы и парадигмы марксизма следует посвятить отдельную статью.

Список литературы

1. История экономических учений: Учеб. пособие / Под ред. В. Автономова и др. М.: ИНФРА-М, 2002. 784 с.
2. *Пезенти А.* Очерки политической экономии капитализма: В 2 т. М.: Прогресс, 1976.
3. *Клисторин В. И.* Лекции по истории экономической мысли: Учеб. пособие для вузов. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005 162 с.
4. Всемирная история экономической мысли: В 6 т. М.: Мысль, 1988. Т. 2: От Смита и Рикардо до Маркса и Энгельса. 574 с.
5. *Блауг М.* Экономическая мысль в ретроспективе: Пер. с англ. 4-е изд. М.: Дело Лтд, 1994. 720 с.
6. *Ягдаров Я. С.* История экономических учений: Учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2009. 480 с.
7. *Горяинова Л. В.* История экономических учений. М., 2003. 85 с.
8. *Белоусов В. М., Ершова Т. В.* История экономических учений: Учеб. пособие. Ростов н/Д: Феникс, 1999. 544 с.

---

⁴ Справедливости ради, отметим, что некоторые авторы утверждают, что именно институциональный подход снимает противопоставление «позитивное – нормативное», что, по их мнению, приводит к отрицанию полезности рекомендаций, вытекающих из социально-экономического анализа. Другими словами, такое противопоставление ведет либо к отказу от объективности в исследовании причинно-следственных связей, либо к отказу от выводов об изменении экономической политики, структурных реформ, модификации правил, кодексов и статуты.

9. Делепляс Г. Лекции по истории экономической мысли. Европейский подход. Новосибирск, 2000. 334 с.
10. Клисторин В. И. История и методология экономической науки: Учеб. пособие для вузов. Новосибирск, 2013. 142 с.
11. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Соцэкгиз, 1962. 684 с.

Материал поступил в редколлегию 01.03.2014

V. I. Klistorin

*Novosibirsk State University
2 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

*Institute of Economics and Industrial Engineering of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
17 Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

klistorin@mail.ru

CLASSICAL ECONOMICS AND MODERN TIMES

A scientific program and paradigm of classical economics is in focus of the paper. The different versions of the periodization and wording of the distinctive features and principles which make a basis of classical economics can be observed in the research literature and study materials. The paper considers the criteria according to which any research could be referred to a certain economic theory and basic distinction between classical economics and neo-classical one which mainly lies in fact that neo-classical economics refused from an objective character of economic laws and adopted a criteria of the minimal number of initial hypothesis as a major principle of building an economic theory. The elements of continuity of paradigm can be noted in classical economics and certain institutionalism concepts. The difference in methodology of institutionalism and classical economics mostly lies in fact that institutionalism is based on positivism whereas classical economics assumes a standard model of economy. However, the continuity of views of both of them can be observed in a class nature of society and differentiation between a phenomenon and its essence as well as in interdependence between economic and social life.

Keywords: scientific program, paradigm, classical economics, neoclassical economics, positivism, institutionalism, historical school.

References

1. *History of Economic Theories*. Ed. by V. Avtonomova and etc. Moscow, 2002, 784 p. (In Russ.)
2. Pesenti A. *Essays on the Political Economy of Capitalism*. Moscow, 1976. (In Russ.)
3. Klistorin V. *Lectures on the History of Economic Theories*. Study materials. Novosibirsk, 2005, 162 p. (In Russ.)
4. *World History of the Economic Theories*. Moscow, 1988, vol. 2, 574 p. (In Russ.)
5. Blaug M. *Economic Theory in Retrospect*. Moscow, 1994, 720 p. (In Russ.)
6. Yadgarov S. *History of the Economic Theories*. Moscow, 2009, 480 p. (In Russ.)
7. Goryainova L. *History of the Economic Theories*. Moscow, 2003, 83 p. (In Russ.)
8. Belousov V., Ershova T. *History of the Economic Theories*. Rostov-na-Donu, 1999, 544 p. (In Russ.)
9. Deleplace G. *Lectures on the History of Economic Thought. European Approach*. Novosibirsk, 2000, 334 p. (In Russ.)
10. Klistorin V. *History and Methodology of the Economic Science*. Novosibirsk, 2013, 142 p. (In Russ.)
11. Smith A. *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*. Moscow, 1962, 684 p. (In Russ.)